Ленинградская Правда-Ленинград
6 МАЙ. 46 9

К 100-летию со дня рождения П. И. Чайковского

Чем дорог нам Чайковский

Чем дорог нам Чайковский? Почему имя его во всех концах нашей необ'ятной страны произносится с такой искренней и неподдельной любовью?

В Чайковском мы чтим гениального композитора, одного из величайших представителей той славной русской интеллигенции прошлого века, которая все свои творения, помыслы и силы отдавала народу. Сам Чайковский не раз именно так определял свою жизненную задачу. «Есть нечто неудержимое, влекущее всех композиторов к опере: это то, что только она одна дает вам средство сообщаться с массами публики, — возражал он против толстовского отрицания театра. — Опера сближает вас с людьми, роднит вашу музыку с настоящей публикой, делает вас достоянием не только отдельных маленьких кружков, но при благоприятных условиях — всего народа».

Несмотря на ту огромную славу, которая окружала Чайковского, он остро ощущал, что эти «благоприятные условия» еще не настали. «Как ты ни любишь свое отечество, как ни соболезнуешь ему, но есть такие причины, которые многомесячные пребывания на чужбине заставляют считать счастьем, — скорбно и гневно восклицал он. — В настоящее время даже самому мирному гражданину тяжело живется в России».

При всей путанности своих политических взглядов Чайковский ясно видел пустоту и ложь тогдашней дворянско-буржуазной верхушки. Это приводило его в отчаяние. Отсюда основной темой его творчества стали трагические переживания человека-одиночки, подавленного мрачной действительностью.

Но Чайковский отнюдь не был пессимистом. Он любил и прославлял жизнь, он страстно стремился к свету и свободе. И здесь его взор неизменно обращался к народу. «Если ты в самом себе не находишь мотивов для радости, — говорил он, — смотри на других людей. Вступай в народ. Смотри, как он умеет веселиться, отдаваясь беспредельно радостным чувствам».

Наделенный ясным умом и критическим чутьем, Чайковский смог с колоссальной выразительной силой воплотить свое понимание действительности в музыке. Оттого творчество Чайковского стало настоящим «зеркалом эпохи», хотя и неполно, но тем не менее исключительно правдиво отразившим противоречия времени.

Как замечательный художник-реалист, Чайковский продолжил и поднял на новую высоту традиции передового русского искусства. «Мне кажется, что я, действительно, одарен свойством **правдиво, искренно и просто** выражать музыкой те чувства, настроения и образы, на которые наводит текст, — писал Чайковский незадолго до смерти. — В этом смысле **я реалист** и коренной русский человек».

Но впечатляющая сила музыки Чайковского кроется не только в размахе его мысли и творческого дарования.

Не меньшим обязана она его удивительному мастерству. Искусство — это труд, таково было неоднократно высказанное твердое убеждение Чайковского. Он не признавал никакого, пышно воспетого поэтами, «порыва вдохновения», «наития». «Даже человек, одаренный печатью гения, ничего не даст не только великого, но и среднего, если не будет адски трудиться, — не уставал он учить молодежь, — «вдохновение» рождается только из труда и во время труда».

Эта мысль была им самим выстрадана. Покинув начатую не без успеха карьеру чиновника, Чайковский прошел суровую и трудную школу формирования музыканта-профессионала под руководством основоположника русского музыкального образования А. Г. Рубинштейна.

До конца дней своих Чайковский возмущался барски-ленивым пониманием музыки только как развлечения. Так же, как он отвергал ложь в искусстве, презирал он и бездумное комбинирование звуков, ибо в искусстве ему всегда были «нужны люди, а не куклы».

Но труд неотделим от беспрестанного самосовершенствования. И Чайковский всю жизнь учился. Он превосходно знал классиков русской и мировой музыки, он неустанно следил за творчеством современных отечественных и зарубежных композиторов. Он много читал, с лихорадочной поспешностью стремясь использовать буквально каждый час и каждую минуту. Он ненавидел праздность.

Отдаваясь творческому напряжению в процессе создания того или иного произведения, Чайковский никогда не успокаивался на созданном. Ему хотелось сочинение сделать еще более значительным, еще более впечатляющим. И его творческий путь действительно был путем непрерывного восхождения.

Нет такой области музыкального искусства, мимо которой прошел бы Чайковский и в которой он не оставил бы шедевров. Опера, балет, симфония, фантазия, сюита, инструментальный концерт, камерный ансамбль, фортепианная и скрипичная миниатюра, романс, обработка народных песен — все эти жанры были освоены Чайковским, и созданное им находится в числе замечательнейших образцов мировой музыки.

Чайковский вобрал в себя лучшее, что было выработано его предшественниками и современниками. Но огромное дарование Чайковского уберегло его от опасности стать эклектиком-эпигоном. Сплавив эти влияния и своеобразно освоив особенности русской народной песенности, он создал свой самостоятельный, глубоко эмоциональный музыкальный язык и тем открыл новую страницу в истории музыки.

Влияние Чайковского на все последующее музыкальное развитие было исключительно. Но правильно понять и оценить его искусство смог только народ, которому стремился Чайковский донести свое творчество. Советская страна создала и для музыки те именно условия, о которых мог только смутно мечтать Чайковский. Поэтому в нашей стране так любовно чтится память великого композитора. Поэтому в числе лучших спектаклей, которые покажут ленинградские театры в Москве, — три гениальных произведения великого русского композитора.

Проф. С. Л. ГИНЗБУРГ

На клубной сцене

Художественная самодеятельность Ленинграда широко отмечает столетие со дня рождения П. И. Чайковского. С 7. по 23 мая будут проведены специальные концерты, посвященные великому русскому композитору. В них примут участие хоровые и хореографические коллективы, симфонические и струнные оркестры, солисты.

Симфонический оркестр Дворца культуры имени Кирова разучивает «Итальянское каприччио» и 5-ю симфонию Чайковского. Самодеятельный оперный коллектив клуба имени Цюрупы готовит оперу «Пиковая дама». Постановкой руководит И. Аркадьев. Роль Германа исполнит электротехник И. Коньев, Лизы — служащие А. Коптева и В. Ефимова, графини — домашняя хозяйка Л. Чучина.

Оперы «Черевички» и «Мазепа» ставят самодеятельные коллективы Дома медицинского работника, оперу «Евгений Онегин» покажет коллектив художественной самодеятельности Дома культуры имени Капранова.

Группа студентов Ленинградской консерватории, получающих сталинскую стипендию. На снимке (слева направо): **И. И. Любимова, В. И. Слоним, Г. В. Сараджеев и Н. И. Рогожина**

Фото Л. БЕРНШТЕЙНА

Слушая Чайковского...

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Лейтенант Ф. П. Чурков

Это было три года назад. Оркестр Филармонии исполнял симфоническую фантазию «Франческа да Римини». Первые же аккорды потрясли меня необычайной силой звучаний. В оркестре проносился вихрь титанических страстей, слышались жалобы, рожденные большим человеческим горем, чьи-то вопли потрясали душу. Но вот волна звуков начала спадать, и среди наступившей тишины раздалась трогательная, проникновенная песнь Франчески, песнь любви...

Так произошло мое первое знакомство с музыкой Чайковского. Вскоре он стал моим любимым композитором. Я одинаково охотно слушаю его симфонии, романсы, оперы, концерты, музыку к балетам.

Мне кажется, что ни один композитор не умел так глубоко передавать оттенки человеческих чувств и настроений. Прослушав «Евгения Онегина», я долго сохраняю в себе какое-то непередаваемое лирическое настроение, которое можно сравнить только с впечатлением от «Вишневого сада» в Московском Художественном театре.

ЗАБЫТЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Кандидат математических наук В. Л. Борисов

Только в нынешнем году благодаря юбилейным торжествам я познакомился со многими произведениями П. И. Чайковского. Я впервые, например, услышал замечательную, чрезвычайно богатую мыслями сюиту № 3. Только в нынешнем году я получил представление о первой симфонии, которая поразила меня своей неувядаемой юношеской свежестью, своей поэтической взволнованностью.

Есть среди произведений Чайковского такие, которые появляются в концертных программах крайне редко. «Манфред» исполняется едва ли не раз в два года. «Буря» — и того реже...

Очень опасаюсь, что пройдут юбилейные дни, и опять мы не услышим ни третьей сюиты, ни первой симфонии, ни второго концерта для рояля с оркестром.

Печальные мысли для юбилейных дней! Но что поделаешь, когда для этого слишком много оснований.

НАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ

Мастер завода „Большевик" А. Н. Емельянов

Я очень люблю слушать музыку Чайковского. Я люблю ее потому, что воспринимается она чрезвычайно легко. Если оставить в стороне его сложные симфонические произведения, то все остальное понимаешь с первого раза.

Это об'ясняется, кажется мне, тем, что Чайковский никогда не кривил душой, никогда не искал, если так можно выразиться, «красивого словечка». Все у него ясно и просто.

Чем больше я слушаю оперы и романсы Чайковского, тем больше убеждаюсь, что у него была благородная, чистая душа. В самом деле, сколько любви вкладывает он в музыкальные образы Татьяны из «Евгения Онегина», Лизы из «Пиковой дамы». Какой благородной страстью насыщена его опера «Мазепа»...

Симфонии Чайковского я знаю мало и судить о них не берусь. Но все-таки несколько раз слушал четвертую, пятую и шестую симфонии. Слушал и невольно думал: какой огромный талантище! Сколько сил у него ушло на то, чтобы бороться с окружающим его злом жизни.

Я рад, что всенародное чествование, посвященное столетию со дня рождения Чайковского — нашей национальной гордости, еще больше подняло интерес нашей молодежи к великому русскому композитору.

Незабываемые встречи

За полвека своего артистического пути мне не раз приходилось встречаться с замечательными людьми: прославленными артистами, знаменитыми писателями и композиторами, учеными с мировыми именами... Встречи с ними оставляли во мне различные чувства. С иными я встречался часто, но память о них испарилась довольно скоро. Другие, с которыми судьба сталкивала меня всего раз, запечатлелись во мне прочно.

К таким незабываемым встречам я отношу знакомство с Петром Ильичем Чайковским. Это было в Киеве, в 1890 году, когда я еще делал первые робкие шаги новичка на оперной сцене, служа хористом в товариществе, возглавлявшемся известным в то время баритоном И. П. Прянишниковым.

В этот сезон в Петербурге, в Мариинском театре, с громадным успехом прошла только что написанная П. И. Чайковским опера «Пиковая дама». Прянишников захотел поставить ее и в Киеве, опередив все провинциальные оперные театры. По его просьбе, горячо поддержанной всей труппой, П. И. Чайковский согласился приехать в Киев, чтобы лично руководить последними репетициями и украсить своим присутствием премьеру. Мне посчастливилось получить роль распорядителя на балу. Как был я обрадован, когда сам знаменитый автор оперы сказал мне, что у меня красивый голос и правильное чувство ритма. Я набрался храбрости и сказал Петру Ильичу: «Если мои мечты осуществятся и я когда-нибудь буду петь Германа, то постараюсь петь еще ритмичнее»... Петр Ильич улыбнулся и ответил: «Старайтесь, молодой человек (мне тогда не было и 18 лет), и я буду за вас очень рад. Данные у вас есть. Работайте, из вас будет толк!».

После грандиозного успеха «Пиковой дамы» в Киеве Чайковский собрался было уехать обратно в Петербург. Но, уступая настоятельным просьбам Прянишникова и всей труппы, согласился остаться еще на несколько дней, чтобы продирижировать какой-нибудь оперой. Я говорю «какой-нибудь», потому что своими операми Чайковский дирижировал неохотно. Он вообще очень неохотно вставал за пюпитр оперного дирижера, так как, увлекаясь мелодией и пением исполнителей, он забывал про оркестр, и тот играл самостоятельно. Для выступления Петра Ильича в качестве дирижера была выбрана опера Гуно «Фауст». Произошел курьезный инцидент. Перед куплетами Мефистофеля, которого пел известный в то время бас Бедлевич, Чайковский, очевидно, о чем-то задумался и, спокойно опустив палочку, забыл дать вступление. Оркестр остановился, Бедлевич не вступил. Получилась мертвая пауза. Почувствовав неладное, Петр Ильич спохватился, постучал палочкой о пюпитр и начал вступление к арии. В антракте Чайковский заявил, что этим выступлением его карьера оперного дирижера окончена навсегда. Сдержал ли он это слово, не знаю.

Состав исполнителей «Пиковой дамы» в Киеве был поистине исключительным, ничем не уступавшим петербургскому.

Артист Медведев, исполнявший роль Германа, спросил Чайковского, не протестует ли он против того, что во второй картине Герман выходит не сбоку, как в Петербурге, а из середины. Петр Ильич шутливо ответил: «Вы так замечательно поете и играете, что можете появиться... хоть с крыши! И у вас, я уверен, это получится превосходно».

Несколько лет спустя Герман стал одной из любимейших моих партий. К сожалению, перед творцом замечательной оперы мне выступить не пришлось.

С увлечением работая над созданием образа Германа, я всегда помнил ободряющие слова Петра Ильича, сказанные мне в Киеве в дни моей юности: «Старайтесь, молодой человек! Из вас будет толк!..»

Из воспоминаний А. М. Давыдова (по материалам кабинета театроведения Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества).

Первое представление „Евгения Онегина"

Никогда не забуду одной встречи. Я стоял внизу главной лестницы Консерватории, по которой устремлялся поток учащихся и профессоров. И вот я вижу совершенно необыкновенное лицо.

Человек спускался механически, глубоко задумавшись, как бы внутренне что-то в себе слушал. У него большой прекрасный лоб. На носу пенсне с разбитым стеклом. Это был П. И. Чайковский.

... Занимаясь по вечерам на рояле и на скрипке, мне удалось услышать начальные репетиции «Евгения Онегина». Для молодежи музыка Чайковского была самым новым и интересным из всего, что мы слышали на симфонических концертах. Мы были без ума от смелого вступления, характеризующего Татьяну. Мы радовались всему, что находили свежим в опере, и спорили с «инакослышащими» чуть не до драки. Большой был праздник, когда мы, наконец, в театре услыхали то, чему радовались на репетициях.

Опера была принята публикой не очень горячо. Музыка не всеми была понята, она была слишком оригинальна и свежа. Все же Чайковского дружно вызывали. Он появился такой же, каким я его впервые видел на лестнице Консерватории. Он вышел в своем обыкновенном костюме, с меховой шапкой в руке. Пенсне попрежнему было с разбитым стеклом. Композитор не обращал, очевидно, внимания на свою внешность. Повидимому, только настойчивые вызовы заставили Чайковского появиться на сцене.

Из неопубликованных воспоминаний художника М. В. Матюшина.

Современник композитора

На заводе «Электросила» имени Кирова работает современник П. И. Чайковского — Михаил Михайлович Курбанов. Старейшему электрику страны инженеру Курбанову сейчас 82 года. Он был личным другом Бородина, Лядова, Глазунова и неоднократно встречался с Чайковским.

— Мне приходилось встречать Петра Ильича, — рассказывает М. М. Курбанов, — на концертах и в обществе моих музыкальных друзей. В течение всей творческой жизни Чайковского я был свидетелем огромного успеха, сопровождавшего появление большинства его произведений.

Одно из наиболее ярких моих воспоминаний относится к исполнению 6-й (Патетической) симфонии. В первый раз ее исполняли в Русском музыкальном обществе на симфоническом концерте 18 октября 1893 года — под управлением автора. Симфония имела колоссальный успех, музыка ее потрясла слушателей.

Как отрадно, что в нашей стране 100-летие со дня рождения П. И. Чайковского отмечается как всенародное торжество, что его замечательную музыку слушают, знают и любят теперь не избранные единицы, а миллионы советских людей.

(ТАСС)

Великий музыкант

Б. АСАФЬЕВ,
народный артист республики,
композитор-орденоносец

7 мая великая страна Советов торжественно празднует столетие со дня рождения гениального русского композитора Петра Ильича Чайковского.

Чайковский родился 25 апреля (7 мая) 1840 года в Воткинске (ныне Удмуртская АССР), в семье директора Воткинского завода. Впечатлительный ребенок чутко постигал окружающие его природу и быт: с детства на всю жизнь он проникся глубокой привязанностью к родине, впитал в себя народные песни. Последующие влияния западноевропейской музыкальной культуры не изгладили в Чайковском этих запавших в его душу первых впечатлений.

В десятилетнем возрасте Чайковский был оторван от семьи: родители отдали его в привилегированное учебное заведение — в училище правоведения в Петербурге. Он кончил училище в 1859 году. Но чиновничья карьера и пустая светская жизнь не прельщали Чайковского. В 1862 году он поступил в Петербургскую консерваторию, только что основанную благодаря исключительной энергии и организаторскому таланту великого музыканта-общественника Антона Григорьевича Рубинштейна. Окончив блестяще Петербургскую консерваторию в 1865 году, Чайковский с 1866 года жил в Москве и преподавал теорию музыки в Московской консерватории.

В течение десятилетия, не отрываясь от педагогической работы, Чайковский создал ряд выдающихся произведений во всех жанрах музыки. Самые знаменитые из произведений этой поры: первые три симфонии, увертюра «Ромео и Джульетта» (по Шекспиру), первый струнный квартет с его знаменитой медленной частью — образцом исключительно чуткого претворения «протяжности» народной песни в симфоническом стиле, опера «Опричник» (по одноименной пьесе Лажечникова), музыка к сказке Островского «Снегурочка» и поэма-фантазия для оркестра «Буря» (по Шекспиру). В своей первой симфонии Чайковский тонко запечатлел картины русского пейзажа. Во второй симфонии особенно замечательна последняя часть (на мелодию украинской народной песни «Журавель») с широко развернутыми плясовыми жанровыми сценами. В «Опричнике» поразительно постижение исторической действительности и драматизма эпохи; в «Ромео и Буре» — глубокое чувство любви, вдыхающей все творческие силы человека.

В 1874 году Чайковский сочиняет первый концерт для фортепиано с оркестром — произведение неисчерпаемой мелодической свежести и щедрости, как и опера «Кузнец Вакула» («Черевички», по повести Гоголя «Ночь перед рождеством»), написанная в том же году. В 1875 г. появляется мелодичнейший романтический балет «Лебединое озеро» с изумительными лирическими (словно стихи русских классиков) вальсами. В 1878 году Чайковский создает на основе эпизода из величавой поэмы Данте («Божественная комедия») потрясающую по выразительности, страстности и яркости мыслей поэму о человеческой любви — «Франческа да Римини». Годом раньше Чайковский начал работу над поэтичнейшей из своих опер «Евгений Онегин» и нал четвертой симфонией, но завершил эти вещи уже за границей, в Швейцарии, после перерыва, вызванного первым заболеванием.

Жизнь Чайковского в дальнейшем — это его творчество. Он был человеком суровых требований к себе и делу, человеком глубоко профессиональной складки и неистового постоянного труда. Музыка не была для него барским развлечением на досуге. Как только он отдался композиторскому творчеству, оно стало для него делом жизни. Композиторская работа очень сложна: надо много времени и сил, чтобы выносить в себе замысел, закрепить его в виде эскизов, развить и, наконец, организовать в виде записи для оркестра (партитура). Если сочинение печатается, — композитору необходимо самому принять участие в кропотливой, требующей напряженного внимания корректурной работе. Все это труд, и труд утомляющий и длительный. Но зато какая радость слышать свою музыку и встретить сочувствие слушателей; Чайковский дожил до такого признания всюду, везде, во всем мире.

Музыка Чайковского дышит жизнью, она волновала и волнует людей сердечностью, сочувствием людскому горю. Исключительное богатство ее мелодий, чуткий, напевный, делает ее уловимой для непосредственных слушателей, вводя их тем самым в круг глубоких, раскрытых в оркестровом развитии идей-образов. Чайковского всегда легко узнать. Сильный мастер-профессионал — он никогда не увлекается техникой и игрой в нарядные звучания. И в незатейливой пьесе для фортепиано, и в задушевном романсе, и в насыщенной мыслью медленной части струнного квартета, и в развитии поэмы или симфонии — всюду Чайковский верен себе: он беседует с людьми приветливо и общительно, высказывает отзывчиво печаль и радость, никогда не замыкаясь в высокомерном самолюбовании.

Чайковский жил среди атмосферы жестокого произвола и угнетения, в эпоху, когда были скованы народные творческие силы, а человеческая личность ограничена в своих проявлениях. Эпоха эта оставила глубокий след на его музыке, главным образом, на вдумчивой скорбности его мелодий. Но развитие его музыки всегда насыщено страстным напряжением жизненных сил — борьбой за полноту раскрытия творческих возможностей и чувств человека. И это не только в симфониях, но и в операх, даже наиболее лирических. В них звучат не бессилие и упадочничество, а ужас перед всяким насилием над естественным ростом личности. Татьяна вянет, потому что вся нежность ее весеннего чувства была развеяна, гибнут Лиза («Пиковая дама») и Мария («Мазепа»): кому-кому, как не русским девушкам и женщинам, общественность диктовала или прозябание или гибель. Понятны сочувствие Чайковского и скорбь о них, понятны и страстно-бурные страницы его музыки, крик его души: «Так жить нельзя». Ведь это, как у Льва Толстого: «Не могу молчать!».

Но зато как величаво прекрасно человеческое чувство в музыке Чайковского, когда оно расцветает во всем своем неисчерпаемом душевном богатстве и восторге перед жизнью. Это знаменитые «нарастания» волн музыки у Чайковского: от простой, порой даже наивной, напевной мысли-находки, словно нечаянно блеснувшей, к мощному, страстному наплыву звуков.

Главная сила и обаяние Чайковского в его исключительно тонком, проникновенном постижении самого человечнейшего свойства музыки, как искусства,—интонации. Что такое интонация? Да вот что: когда ребенок среди многих женских голосов различает родной голос матери, когда голос любимой девушки понятнее голосов остальных, когда среди безразлично выговариваемых слов вдруг два-три зазвучат как-то особенно содержательно, эмоционально,—вот это и есть интонация. Филологи исследуют языки человечества под своим углом зрения, литературоведы— со своей точки зрения. Лишь музыканты инстинктивно понимают силу интонации, но большей частью, запутавшись в дебрях музыкальных школьных правил и формальных схем, сами не знают, что с этим драгоценным качеством (а в нем истоки музыки) делать. Только такие чуткие музыканты, как Бах, Гендель, Моцарт, Бетховен, Шопен, Верди, Вагнер, Глинка, Чайковский, Мусоргский, понимали, как взращивать и осваивать это качество. Угадал эту силу (и отсюда его реформистские влечения к музыке) философ Руссо, понимал Стендаль, смутно ощущал Лев Толстой, удивлялся Тургенев («Певцы»). Но музыка Чайковского — исключительно интонационно-чуткая. Отсюда она — всем родная. Здесь корни ее общечеловечности.

Другое, богатое воздействием свойство музыки Чайковского — это **живое** чувство ритма, как организованного дыхания, полное преодоление и механистически-рассудочного и наивно-физиологического ощущения ритма.

Реалистические основы в музыке Чайковского в сильнейшей мере коренятся в чутком постижении интонации и ритма, как конкретных качеств, а не отвлеченных понятий. И все же они были бы отвлеченными, если бы Чайковский не черпал интонаций и ритма в окружавшей его русской и западноевропейской действительности. Бросается в глаза теснейшая связь его музыки с громадным по своему эмоциональному воздействию завоеванием русской демократической, так называемой разночинной культуры — городским бытовым романсом начала и середины прошлого века. Как никто, Чайковский постиг силу и обаяние этой задушевнейшей лирики русского города, сочетавшей и крестьянскую песню и западноевропейские романсные и куплетные жанры в органичнейший сплав. Обобщая жизненно-цепкие интонации бытового романса и песни, Чайковский и в своих операх и симфониях возвел их на никем еще не превзойденную художественную высоту, а с ними сохранил всюду в своей музыке жизненную теплоту и непосредственность.

Немногое остается рассказать о самой жизни Петра Ильича после создания четвертой симфонии и «Евгения Онегина», оперы, в которой, в сущности, заложены основы дальнейшего развития реалистической культуры в драматургии русского театра, предварен лиризм чеховских драм и психологизм Станиславского. В трагически скорбных порывах четвертой симфонии раскрыто глубоко искреннее желание вырваться из плена одиночества и ограниченности **личного.** Это первая симфония, в которой Чайковский решительно проводит свое понимание симфонии, как жизненной драмы, и применяет метод драматургического становления музыки.

Внешне жизнь его в последующие годы состоит в непрестанных раз'ездах из города в усадьбу, из усадьбы в город, из страны в страну, всегда в путешествиях, но и всегда в работе. Три оркестровые сюиты — это в своем роде дневники и наблюдения, как и замечательное по мысли «Итальянское каприччио», оперы «Орлеанская дева», «Мазепа», «Чародейка», байроническая симфония «Манфред» и пятая симфония — симфония исканий: мысль на распутье — вот основные вехи его напряженного идейно-творческого труда.

С 1887 года наступает пора артистических странствований Чайковского по Европе как дирижера-пропагандиста собственных произведений. В 1891 году Чайковский в Америке, в 1892 — в Англии: его торжественно возводят в степень доктора музыки. Тоскуя по оседлой жизни и родной природе, Чайковский любил живать под Москвой и незадолго до смерти обосновался в Клину, где теперь в обитаемом им некогда доме — богатейший музей П. И. Чайковского.

Последнее произведение Чайковского свидетельствует о непрекращавшемся росте и углублении его мастерства. Роскошный, сочный балет «Спящая красавица» имеет в развитии русского балета то же значение, что «Руслан и Людмила» Глинки в опере. Трагически сильная опера «Пиковая дама» — вершина русской оперной драматургии. Балет-сказка «Щелкунчик»— произведение неистощимой изобретательности и исключительно смелое по тонкости раскрытия человека в ребенке. Наконец, опера «Иоланта» — своего рода новелла о расцветающем цветке — о всепобеждающей любви девушки. Лебединой песнью Чайковского оказалась его знаменитая шестая симфония. Вскоре после ее первого исполнения под личным управлением композитора (16/28 октября 1893 г.) смерть оборвала его жизненный путь. 25 октября (6 ноября) 1893 года Чайковского не стало.

Чайковский — любимейший массами композитор. Его мечта осуществилась: он действительно стал во всем своем творческом размахе народнейшим композитором. Его произведения поют, играют, слушают, изучают, любят самые чуткие, внимательные и признательные слушатели: весь советский народ. Образы его лучших опер знакомы и близки всем благодаря их художественной правде и реалистичности их интонаций.

Нет области в русской музыке, где бы Чайковский не создал памятного, широко известного произведения, и всюду он, оставаясь самим собой, понятен всем, оттого что он правдиво и просто говорит о человеческом сердце, о радости от полноты выраженного чувства и о скорби от сознания, что насилие ставит предел полноте проявления творческих сил; оттого, что вся музыкальная речь его основывается не на надуманных сочетаниях звуков, а на интонациях, воспринятых им в жизни, в окружающей действительности, от тех людей, которые среди угнетения верили в несомненное осуществление человеческого счастья на земле.

Во всей художественной культуре СССР влияние Чайковского ощущается повсеместно. Естественно, что и советское правительство и партия Ленина—Сталина и весь наш народ единодушно чествуют память гениального русского музыканта, чье творчество содействует росту и созиданию музыки великой страны Октября — страны освобожденного человеческого труда.